

Проводив Юн Шаня, Чжан Чэнь поспешил вернуться к своим делам. Ему предстояло исполнить приказ юного принца, подключив к этому делу ещё нескольких министров, которым была дорога жизнь. У него в подчинении было много людей, а с исполнением воли Юн Шаня медлить было нельзя, иначе накликаешь беду на свою голову. Многим было известно, каким непростым нравом обладал второй принц: чуть что, хоть маленькая ошибка, несерьёзная оплошность — и можно было лишиться всего, начиная от титула и заканчивая собственной головой.

Юн Ци всё ещё находился в комнате допроса — теперь же от этого попавшего в беду феникса тяжело будет избавиться. С этого дня он находится под защитой самого принца, потому третировать или убить его не получится. С самого начала Чжан Чэню думалось, что Юн Шань хочет лично пытать старшего брата, но затем тот неожиданно сказал: «Пытать Юн Ци? Что за вздор?!». Вздор. Обученный льстить, Чжан Чэнь не мог понять, что на уме у этого юноши, и совсем не понимал, как ему угодить.

Сначала Чжан Чэнь отправил одного человека прорыть маленький туннель в камере Юн Ци, чтобы выводить горячий воздух, и затопить дровами печку, а второго — к себе в комнату, чтобы тот достал чехол, где бережно хранилась та самая эластичная верёвка, о которой просил его Юн Шань. Взяв с собой нескольких чиновников, Чжан Чэнь отправился к Юн Ци, чтобы взять того под стражу и проводить в камеру, предварительно убрав в ней любые опасные предметы, которые могли бы навредить пленнику.

Принц Юн Шань боялся, что Юн Ци замёрзнет в этой камере, но за полдня в ней уже был выкопан маленький туннель, который соответствовал всем требованиям Его Высочества и делал температуру в комнате практически идеальной. Ещё ни один пленник не бывал в таких условиях.

С ужасной болью в пояснице Чжан Чэнь отправился обратно в комнату допросов, где приказал своим людям взять Юн Ци и отвести в камеру. Как только его приказ был исполнен, мужчина вернулся на своё место и сел на стул. Оперевшись о спинку, Чжан Чэнь поглядел на небо и вытер испарину со своего лба. Он успел вспотеть даже в такую холодную погоду.

«Возможно, я не прав, — тихо размышлял Чжан Чэнь, — но что-то мне подсказывает, что этот Юн Шань вечером приедет сюда. Пока Юн Ци будет во Дворце Наказаний, чувствую, мне не видать покоя. Что же делать: льстить Юн Шаню или служить императрице Шу?».

Как и предполагалось, вечером этого же дня на пороге Дворца Наказаний появился Юн Шань. Он приехал в маленьком тёплом паланкине — шёл мелкий снежок, небо посерело. Остановившись во дворе, Его Высочество покинул паланкин и, увидев встречающего Чжан Чэня, который завис перед ним в поклоне, спросил:

— Всё готово?

— Конечно, Ваше Высочество, всё, что Вы приказали, мы сделали, — отозвался Чжан Чэнь, следуя за принцем. — Только у нас было очень мало времени, и Ваш слуга не может ручаться, что всё сделано безупречно. Поэтому если Вашему Высочеству что-то не понравится, сразу же говорите мне.

Небрежно бросив своё «угу», Юн Шань наконец-то добрался до камеры. Обведя её взглядом, юноша слегка искривил свои губы в одобрительной улыбке.

— Ты молодец, — сказал принц и поглядел на Чжан Чэня.

Для того, чтобы министрам было легче наблюдать за тем, что происходит внутри, в камере были установлены деревянные двери. Однако сейчас поверх них висела плотная занавеска из кошмы, которая тянулась от самого потолка и до земли, превращая открытую камеру в некое подобие потайной комнаты. Если не обращать внимания на этот кусок ткани, можно подумать, что двери здесь и вовсе нет.

— Ваш слуга боялся порицания Вашего Высочества, поэтому решил сделать кое-что ещё. — Чжан Чэнь был горд собой, однако не осмелился демонстрировать это чувство на своём лице. — Не поймите меня неправильно, но принц Юн Ци постоянно дрожал, а туннель мы сможем наладить только завтра, поэтому Ваш слуга развесил несколько плотных занавесок из кошмы, чтобы хоть немного защитить принца от ветра. Если Ваше Высочество почувствовал что-то неладное, мы сорвём эти занавески, как только доделаем туннель.

— Не нужно их срывать, — сказал Юн Шань и, не дожидаясь, пока ему откроют дверь, снял замок. Не успел он переступить порог камеры, как внезапно что-то вспомнил и, обернувшись, спросил: — Ты хотел преподнести мне свою редкую вещицу. Где она, почему не покажешь её мне?

— Ваше Высочество войдёт в камеру и сам всё увидит, — сказал мужчина, а потом с улыбкой добавил: — Ваш слуга набрался смелости и поменял Его Высочеству на эластичную...

Сказав половину предложения, мужчина поднял взгляд, и его тотчас же охватил страх. Опустив своё мрачное лицо, Юн Шань посмотрел на Чжан Чэня словно коршун на мышь.

— Кто тебя просил это делать? — холодно спросил юноша.

— Ваш слуга... — тихо заблеял Чжан Чэнь, потрясённый неожиданной реакцией принца. Разве не он сам просил принести ему эту верёвку?

— Я хотел, чтобы ты обустроил камеру. Зачем ты прикасался к Юн Ци?

— Это... — Чжан Чэнь резко бросило в холодный пот, а под взглядом Юн Шаня стало трудно дышать. Откуда у этого ребёнка оказалось столько могущества и силы? — Деревянная канга и цепи были очень тяжёлые, они сильно давили на плечи Его Высочеству Юн Ци, и от них он еле-еле стоял на ногах, поэтому...

— Ничего, он бы от этого не умер. На этот раз я тебя прощаю, но запомни одну вещь: никто, слышишь? Никто не смеет прикасаться к Юн Ци без моего приказа. Он мой старший брат и первый кронпринц, пусть даже и бывший, — холодно произнёс Юн Шань, а затем, понизив тон, спросил: — Или ты делал всё это, только чтобы прикоснуться к нему?

Чжан Чэнь не осмелился ответить: он молчал, свесив голову. Спустя какое-то время Юн Шань, похоже, успокоился и спокойно спросил:

— Что именно ты ему связал? Разве это не целый комплект эластичной верёвки? И ты её всю использовал, чтобы связать Юн Ци?

— Нет-нет-нет, я только связал ему руки, и то слегка, так как побоялся туго сдавливать. Остальное всё лежит там внутри на столе.

Заметив, что Чжан Чэнь, человек, знающий своё дело, сейчас напоминал птицу, напуганную луком и стрелами[1], Юн Шань, не став больше его ни о чём расспрашивать, кивнул головой, распахнул дверь камеры и вошёл внутрь. Как только он переступил порог, из

его груди вырвался невольный вздох.

Юн Ци.

Это изящное тело, что всегда было словно окутано туманной дымкой, в которой скрывался его истинный облик, сейчас отражалось в глазах его родного брата. Юн Шань резко остановился перед дверью. Волна жара, которая резко устремилась к сердцу, овладевая им и медленно сжигая его, переросла в нестерпимую боль. Невольно обернувшись, Юн Шань ухватился за дверь камеры и, захлопнув её, крепко запер, скрывая тайну от посторонних глаз. Почувствовав нарастающее желание, Юн Шань повернулся и поглядел на кровать, на которой сидела тонкая, изнурённая и худощавая фигура. Которая, по правде сказать, была довольно привлекательной.

Не считая последних несколько месяцев, когда отец неожиданно отправил его в Наньлинь, сделав «князем» тех мест, в какой именно день Юн Ци перестал обращать на него внимание? Неужели с самого детства он был безразличен к Юн Шаню? Возможно, Юн Ци никогда не обращал внимание на своего младшего брата.

Даже сегодня, когда он вошёл в комнату допросов и, разомкнув свои губы, неожиданно назвал его Юн Линем... Подлец!

— Ты? — Юн Ци сидел на краю недавно постеленной циновки. Услышав звук шагов, он поднял голову и поглядел на Юн Шаня. Одна сторона его лица была красной от пламени свечи, а вторая — всё такой же бледной. Однако, несмотря на это, сам юноша продолжал хранить спокойствие и невозмутимость. Увидев медленно приближающегося Юн Шаня, Юн Ци разомкнул свои губы и тихо сказал: — Юн Шань, я хочу увидеться с отцом.

— Ты хочешь увидеться с отцом? — Юн Шань опустил рядом с Юн Ци. Отведя взгляд, он поглядел на руки своего брата, что были завязаны сзади. Красная нить потрясающе сочеталась с его белой тонкой кожей.

— Министры ввели отца в заблуждение, оклеветав меня, матушку, дядю и моих наставников. Я хочу встретиться с отцом и всё ему объяснить, — тихо произнёс Юн Ци. От взгляда Юн Шаня ему стало не по себе. Стараясь подсознательно спрятаться, юноша говорил, делая вид, что смотрит на кошму, висящую на стене. Поэтому он и не заметил лёгкую улыбку на лице Юн Шаня.

— Отец-император не может встретиться с тобой. — Уголки губ были вздёрнуты вверх. Похоже, Юн Шаня веселила наивность Юн Ци. — Отец такой мудрый, разве кто-то может ввести его в заблуждение? — небрежно бросил он. — Отец беспокоится, что семья Сунь может вновь собраться с силой и, воспользовавшись выпавшим шансом, захочет нанести решающий удар. Будет лучше, если семья Сунь исчезнет и больше никогда не возродится. В глубине души ты и сам это прекрасно понимаешь, но отказываешься в это верить.

От этих слов Юн Ци вздрогнул. Глядя куда-то в сторону, он медленно покачал головой и всё также спокойно ответил:

— В любом случае, я хочу встретиться с отцом, я его родной сын и я не могу уйти в могилу, не увидевшись с ним.

— Ты не можешь умереть, впрочем, как и встретиться с отцом. Здесь не так уж и плохо, тихо и спокойно, не нужно думать о еде и одежде, не нужно сражаться.

Юн Шань, взяв волосы брата, притянул их к кончику носа, вдыхая аромат. Юн Ци обернулся и поглядел на брата.

— Юн Шань, — нахмутив брови, сердито сказал он, — что ты делаешь?

Заметив, что Юн Ци обернулся и смотрит на него, Юн Шань слегка усмехнулся, небрежно говоря:

— Твои волосы так приятно пахнут. Что это за аромат? Роза? Даже возвращаясь сюда из Наньлиня, ты продолжал думать о своих волосах.

— На волосах всегда оседает запах тех мест, где ты находишься. — Только сейчас Юн Ци заметил, что Юн Шань слишком близко сидит. Раньше от взгляда младшего брата ему немного становилось не по себе, а сейчас, когда его руки были крепко связаны сзади, его душу внезапно обдало холодом, и Юн Ци тихо отодвинулся. Внезапно резкая боль пронзила его голову, и юноша тихо сказал: — Отпусти. Они ничем не пахнут, тебе просто показалось.

— Не пахнут? Но я же чувствую их аромат. Я хочу снова почувствовать запах твоих волос. — Юн Шань опустил голову и, держа в своих пальцах локоны Юн Ци, вновь поднёс к носу, чтобы понюхать их.

От этого простого движения стало ужасно неловко. Так как руки до сих пор были связаны за спиной, а сил терпеть эту жуткую боль уже не было, то Юн Ци ничего не оставалось, как резко обернуться и отскочить в сторону, высвобождая свои волосы из пальцев Юн Шаня.

Юн Шань поднял голову и взглянул на Юн Ци, который, стоя у кровати, спокойно говорил:

— Если ты вместо того, чтобы помочь встретиться с отцом, решил чинить мне препятствия, так тому и быть, и я не собираюсь уговаривать тебя помочь мне. Уже поздно. Твой замок находится очень далеко, тебе стоит поскорее отправиться в путь. Береги себя, на улице очень холодно, и ты можешь простудиться.

Его сердце слегка трепетало от страха. Благодаря Чжан Чэню, все окна были завешаны и не позволяли лунному свету проникнуть внутрь. Лишь пламя восковой свечи, что стояла на столе в маленькой чашечке и тускло освещала всё пространство, постоянно дрожало, освещая просторную комнату. Пламя свечи подпрыгивало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, словно танцуя.

Тусклый свет озарял спокойное лицо Юн Шаня, но одно мгновение — и Юн Ци увидел, как лицо Юн Шаня стало свирепым. Это нежное лицо, так похожее на лицо Юн Линя, изменилось, вызывая страх и ужас, будто сейчас принц поднимется на ноги и, словно обезумев, начнёт безжалостно рвать, ломать, полностью уничтожая всё, что ему попадётся на глаза. И даже если перед ним предстанет живой человек, он наверняка сможет перегрызть ему горло, упиваясь его кровью.

Ужас. От этого зрелища Юн Ци невольно отступил назад, чтобы хоть как-то успокоиться.

Ах, нет, ему только это показалось из-за пляшущего пламени свечи. Поднятое лицо Юн Шаня всё это время было спокойным и никак не искажалось. Лишь на губах застыла натянутая улыбка, из-за которой было неясно, о чём он думает. Юн Линь же был его полной противоположностью. Этот милый несмышленный младший брат совершенно не умел скрывать своих мыслей, потому Юн Ци всегда было с ним легко и уютно.

— Значит, я должен уйти? — медленно, растягивая каждое слово, спросил Юн Шань и продолжил: — Я-то думал, ты всё ещё хочешь узнать, как поживает Юн Линь. В конце концов, тебя не было в столице несколько месяцев. Юн Линь тоже твой горячо любимый младший брат.

— Юн Линь... Как он? С ним всё хорошо?

— Ты стоишь, а я сижу, и чтобы с тобой поговорить, мне нужно поднимать голову. Это очень утомительно. — Юн Шань поглядел на него с неясной улыбкой и сказал: — Иди сюда, я тебе расскажу.

Юн Ци никак не ожидал подобных слов со стороны Юн Шаня, и, поглядев на него, задумался.

— Нет, — покачал он головой. — Нет, это необязательно.

— Ты что, не хочешь узнать, как поживает Юн Линь? Ведь он часто думает о тебе и скучает.

— Его нынешнее положение не сравнится с моим, — сказал Юн Ци и добавил негромко: — Если ты его увидишь, поприветствуй его от моего имени. Я не хочу, чтобы он сюда приезжал — это не самое подходящее место для нашей встречи.

Но Юн Шань ничего не ответил. Он тихо сидел на краю кровати и, подняв голову, смотрел на прелестные губы, что слегка смыкались. Говорящий Юн Ци всё также был спокоен, бледен и не дрожал от страха, хотя на самом деле был перепуган до смерти.

Днём в комнате допроса, когда Чжан Чэнь указал на стену с орудиями пыток, запугивая молодого принца, Юн Шань видел, как дрожал его брат, старательно пытаясь скрыть это, чтобы сохранить лицо.

В глубине чёрных агатовых глаз таился страх, однако этот прекрасный юноша продолжал стоять, словно вырезанная из нефрита статуя, готовясь принять наказание. И глядя на печальный, но гордый облик, Юн Шаню хотелось спуститься к нему и заключить в свои крепкие объятия, чтобы собственными руками раскрошить его на мелкие кусочки.

Правильно! Собственными руками раскрошить его на мелкие кусочки! Днём он выглядел подавленным, однако сейчас ему было ничуть не лучше. Внезапно Юн Шань крепко стиснул зубы.

Рядом никого нет, кроме их двоих, и звать Небеса на помощь не получится — они всё равно не помогут. Рядом лишь он. Тот, на которого Юн Ци никогда не обращал внимания, балуя своей любовью лишь Юн Линя.

— Присядь, — прошептал Юн Шань.

— Я не устал.

— Мы же братья, иди сюда. В чём дело? — Неизвестно когда лицо Юн Шаня в тусклом пламени свечи изменилось, приобретая жуткие черты и заставляя сердце трепетать от страха. — Если я подойду к тебе, — холодно улыбаясь, сказал он, — это будет совсем неинтересно.

Услышав, каким неприятным тоном Юн Шань произнёс эти слова, Юн Ци оцепенел и с ужасом поглядел на брата, встречаясь с взглядом, от которого сжалось сердце.

Примечания:

[1] Аналог: «Обжѣгшись на молоке, дуешь и на воду». Смысл: тот, кто когда-то ошибся, становится излишне осторожным.

<http://bllate.org/book/13372/1189540>